

О Максимѣ Горькомъ

III.

Нужно остановиться хоть въ немногихъ строкахъ на бесѣдахъ съ Горькимъ.

Первое время я избѣгалъ касаться тревожившаго тогда совѣсть русской интеллигенціи еврейскаго вопроса. Изъ боязни нарваться на скрытое юдофобство? Конечно, нѣтъ: не на такой линіи стоялъ Горькій. Я опасался другого: завѣренія въ юдофильствѣ. Изъ гордости или по какой другой причинѣ, я всегда презиралъ программное юдофильство. Юдофобъ — что? — Либо лѣнивый глупецъ, не удосужившійся разобратъ въ своемъ предубѣжденіи, либо злопыхатель, ненавидящій людей вообще, но проявляющій свою ненависть по линіи наименьшаго сопротивленія. Но съ казенными юдофилами бѣда: говорить о евреяхъ такъ, какъ если бы состояли членами «общества покровительства животнымъ». Обычно я пресѣкалъ ихъ медоточивое краснорѣчье небрежнымъ замѣчаніемъ: «Стоитъ ли говорить о такой малости?.. Нация не гулящая дѣвнати, нуждающаяся профессионально въ симпатіи; для нации достаточно, чтобы съ нею считались и сознавали, что на малѣйшій пиннокъ она отвѣтитъ увѣсисто плюхой».

Какое же было отношеніе Горькаго къ еврейскому вопросу? По моему, самое пра-

вильное, такое же, какъ у Короленко, Милукова, Михайловскаго. Онъ для него не существуетъ; евреи обездолены въ правахъ — значитъ, на защиту ихъ должны встать все порядочные люди.

Помню, когда Горькій читалъ въ Куоккала нѣсколькимъ пріятелямъ свою новую пьесу, я обратилъ вниманіе на то мѣсто, гдѣ герой говоритъ съ ужасомъ о комъ-то — вѣдь онъ антисемитъ.

Я сказалъ Горькому: «Лучше выбросьте это мѣсто — (не то дѣвки засмѣютъ) — не въ Россіи попрекать кого-либо антисемитизмомъ, вещь обиденная — «артиклъ де Сэнъ - Петербургъ».

Горькій посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и не выбросилъ.

Правъ оказался я. Когда на премьерѣ дошло до этого мѣста, въ публикѣ пронесся почтительно-сдержанный, добродушный смѣшокъ.

Помню, какъ Горькій рассказывалъ мнѣ о нижегородскомъ погромѣ. Прошло около 30 лѣтъ, а звукъ его голоса, выраженіе лица жить въ мнѣ, какъ если бы это было вчера.

Говорилъ онъ тихо, раздумчиво, вглядываясь въ даль — (мы гуляли), — съ усиленнымъ подавляя волненіе; въ звукѣ голоса сливались и боль, и стыдъ.

Закончилъ онъ рассказъ потрясающимъ фактомъ. Толпа громила домъ, населенный

евреями; изъ нея выдѣлилась кучка, ворвавшаяся въ самый домъ; изъ третьяго этажа выбросила она гробъ съ обряженнымъ для похоронъ тѣломъ еврея. Громила въ ужасѣ шарахнулась и разсыпалась. «Вотъ пойми тутъ», — добавилъ Горькій, — «одна часть толпы не пощадила даже мертваго, а у другой, куда большей, мертвецъ подавилъ и злобу, и дикое озорство».

Я находилъ, что затяннувшееся, вездѣстvie обостренія туберкулеза пребываніе Горькаго за-границей тяжело отражается и на его заслуженной репутации и на творческомъ процессѣ. Убѣхать надолго, — развязать злопыхательство.

Затѣмъ, и другое, еще болѣе важное. Беллетристу нельзя долго оставаться внѣ родины: какъ-бы ни былъ великъ запасъ его впечатлѣній и свѣдѣній о родной странѣ, они никогда не замѣняютъ тренія другъ о друга боками. Я настойчиво сталъ звать его домой.

Однако, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ написалъ мнѣ большое, искреннее письмо. Оно не уступаетъ лучшимъ страницамъ его литературныхъ произведеній. Въ смыслѣ же біографическомъ это письмо даетъ очень много для уразумѣнія характера и жизни Горькаго. Опуская вступительную часть письма, какъ чисто дѣловую, я приведу изъ него большую выписку. Это необходимо.

«Позвольте мнѣ принести мою искреннѣйшую благодарность за ваше доброе ко мнѣ отношеніе, — я его очень высоко цѣню, и оно меня искренне трогаетъ. Вы спрашиваете, почему я не пишу вамъ о

себѣ, о своихъ переживаніяхъ. Причинъ по крайней мѣрѣ три: Какъ я могу знать, что мои «переживанія» интересны вамъ? Я не умѣю говорить и писать о себѣ безъ того, чтобы послѣ каждой фразы не подумать — это не такъ сказано, не такъ написано. И, наконецъ, не считаю я себя вправѣ занимать вниманіе другихъ — а тѣмъ болѣе такого работника, какъ вы, своими личными дѣлами.

Живу я интересно: мнѣ кажется, что интересно жить — моя привычка, привычка, самой природой данная мнѣ. Вижу много чудесныхъ людей, часто увлекаюсь ими, иногда наступаю разочарованія — тоскую — и снова увлекаюсь, какъ женщина. Все больше и больше люблю Италию — страну великихъ людей, прекрасныхъ сказокъ, страшныхъ легендъ, землю праздничную, благодатную, добрую къ людямъ — люблю ее съ тоской, съ завистью и вѣрю, что она медленно, но неуклонно шествуетъ къ новому Возрожденію. Вотъ — только что былъ во Флоренціи, Пизѣ, Луккѣ, Сиенѣ и маленькихъ городахъ Тосканы; благоговѣнно восхищался богатствами прошлаго и, наблюдая дружную работу настоящаго, думалъ о родныхъ Кологривахъ, Арзамасахъ, о Пошехоньѣ и другихъ городахъ несчастной, лѣнивой, шаткой родины. Вы пишете: «Мнѣ кажется, вамъ стало скучно». Жить — не скучно, но невыносимо тяжело думать о Россіи, читать русскіе газеты, журналы, книги, безумно-больно и обидно видѣть, какъ мои духовно-нищие соотечественники рядятся въ яркіе отребья чужихъ словъ, чужихъ идей, стараюсь

прикрыть свою печальную бѣдность, свое духовное уродство, свое безспіе и жалобную слабость духа.

Четыре года длился маскарадъ побѣжденныхъ, четыре года недобитые люди, скрывая другъ отъ друга свои раны и боли, притворяются веселыми людьми и, скрывая опухли отъ пощечинъ, безъ числа полученныхъ ими, надуваютъ щеки и свистятъ, вотъ-де какіе мы веселые, вотъ какіе беззаботные. Видѣть это тяжело до бѣшенства. Но, разумѣется, я знаю, что не все плохо, скажу даже, что я знаю это, какъ мнѣ кажется, лучше многихъ, живущихъ на родинѣ. Самообманъ? Нѣтъ, Оскаръ Осиповичъ, обильная корреспонденція изъ всѣхъ щелей и ямъ Россіи. Я глубоко вамъ благодаренъ за предложеніе ваше хлопотать о моемъ возвращеніи. Я увѣренъ, что вамъ это несомнѣнно удалось бы, но не надо.

Мнѣ полезно побыть здѣсь, мнѣ надо многому учиться, и я понемногу учусь. У меня болѣе трехъ тысячъ книгъ, я читаю восемь газетъ, всѣ журналы и не чувствую себя оторваннымъ отъ родины. Около меня — хорошие люди, мое уваженіе къ человѣку не падаетъ, а растетъ, принимая все болѣе ясныя формы. Нѣтъ, въ Россію мнѣ рано возвращаться. А если бы я этого хотѣлъ, или если бы считалъ нужнымъ для чего нибудь — я вернулся бы въ Иркутскъ, въ Архангельскъ, въ тюрьму, если это угодно жалчайшему и бездарнѣйшему изъ правительствъ европейскихъ. У меня много задачъ, можетъ быть, онѣ мелки, но это — мои задачи, и я ихъ долженъ рѣшить. Вѣрю въ себя, вѣрю, что моя рабо-

та полезна, а гдѣ работать — все равно. Я слишкомъ русскій, хорошо заряженъ съ юности, и пороха у меня хватитъ на долго; пусть могилашки зарываютъ меня живьемъ въ землю, я все до послѣдняго дня буду говорить то, что считаю нужнымъ. И, наконецъ, важно не то, какъ относятся люди ко мнѣ, а только, какъ я отношусь къ людямъ.

Добрая и милая мысль хлопотать о моемъ возвращеніи въ Россію внушена вамъ, вѣроятно, странной газетной замѣткою о моей, якобы, тоскѣ по родинѣ и о предпринятыхъ мною шагахъ къ возврату въ Россію. Это — выдумка. Я, само собою разумѣется, никакихъ шаговъ не предпринималъ».

Тридцать пять лѣтъ, какъ имя Горькаго было у всѣхъ на устахъ. Тридцать пять нетерпѣливыхъ лѣтъ, сметавшихъ не только отжившее, но даже едва пошатнувшееся.

А Горькій уцѣлѣлъ. — Однимъ чарованіемъ таланта этого не объяснить.

Въ чемъ же тайна его писательскаго долготѣія, несмотря на то, что художественный талантъ его, по законамъ естества, въ послѣдніе годы не блеснулъ «улыбкою прощальной»?

Не въ томъ ли, что онъ былъ неизмѣннымъ пѣвцомъ обойденныхъ социальнымъ укладомъ, по-настоящему еще не жившихъ?

— Пѣвецъ тѣхъ миллионъ, которыхъ матери рожали въ такихъ же мукахъ и тревожной надеждѣ на счастье, какъ насъ, уходящихъ, рожали наши. О. Грузенбергъ.

ий Бронзино и бельгийскую знаменитость Бву.

Сегодня в Трамбле разыгрывается вторая крупная скачка для двухлѣток, почти столь же интересная, что вчерашний При Роберъ Палэнъ, 70.000-ый При Ла Флешъ.

30,50; 3; 6,50; 8.

ВЪ ВИШИ

3. При дю Гранъ Казино, 40,000 фр., 2,300 м.
1. Ластъ Шуть, г. Андреисъ (Жаффэ). 2. Юг тонъ, г. Рене Бедель (Ферре). 3. Кладъ, г. Рене Бедель (Рокетти). 8 лоп.
Тотализ. за 5 фр.; 25,50; 7; 6; 8,50.

Храмъ Христа Спасителя. Анверъ. 7-бисъ, рю дю Буа. 7 ч. утра — утренняя. 7 ч. вечера — всенощная.
Церковь Пресвятыя Троицы. Ванвъ. Портъ де ла Плэнъ. 10 ч. утра — литургия. 6 ч. вечера — всенощная.
Церковь Воскресенія Христова. Медонъ. 2.

Delta. Tru. 02-18. La Passagère (J. Crawford).
Elysées Actualités (65, Ch. Elysées). L'ange blond (Telma Todd). Le petit roi. Pic-Nic-Panic. Actualités de la semaine.
Ermitage (72, Ch. Elysées). Ely. 15-71.
Mannequin de Paris (John Loder, Nancy)

(противъ конечной остановки трамв. № 7)
Быстрое и аккуратное исполненіе всѣхъ заказовъ и требованій на газету. По желанію подписчикъ, заказы принимаются почтой.

Le gérant: LERAT. Imprimerie E. I. R. P. (Dir. O. ZELUK).
4 et 6, rue Saunier, Paris (IXe). Téléphones: Provence 78-16, 78-17.

4 et 5 R. SAULNIER
PARIS 9^e

29)

ОСТРОВЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ЛЮДЕЙ

(Переводъ съ французскаго)

По толстымъ щекамъ текли слезы. Отъ боли въ сердцѣ больной долженъ былъ умолкнуть и долго лежалъ съ закрытыми глазами, съ искаженнымъ отъ страданія лицомъ. Д-ръ Геренъ далъ ему какія то капли, которыя успокоили его и вернули силы. Очнувшись, онъ посмотрѣлъ на Ле Марекъ и спросилъ:

— О чемъ я говорилъ?.. На чемъ я остановился?

— Вы говорили о томъ, что вы вышли изъ тюрьмы, но ваша дочь тѣмъ временемъ умерла.

— Ахъ, да!.. Моя дочь умерла. Я остался одинъ, безъ гроша, безъ работы, обезпеченный и проклятый!.. Въ отчаяніи я рѣшилъ наложить на себя руки и пошелъ домой, чтобы отравиться. Дома меня ждалъ какой то человекъ... Не успѣлъ я опомниться отъ удивленія, какъ этотъ человекъ назвалъ главой международной организаціи торговцевъ наркотиками и предложилъ фабриковать для него кокаинъ по моему способу... Кто это былъ? Во главѣ какой международной организаціи онъ стоялъ?

— Не знаю... Я его объ этомъ не спрашивалъ, а онъ мнѣ не говорилъ... Все, что я знаю, это то, что онъ говорилъ съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ...

Ле Уэдикъ и д-ръ Геренъ переглянулись съ недоверіемъ. Но Ле Марекъ слишкомъ хорошо былъ знакомъ съ вопросомъ, чтобы сомнѣваться. Онъ видѣлъ, что нѣмецъ говорилъ правду. Все таки онъ счелъ нужнымъ спросить:

— Какъ же вы, не зная, съ кѣмъ имѣете дѣло, приняли предложеніе?

— У меня не было выбора. Либо это дѣло, либо самоубійство... Я не колебался... ни минуты... Этотъ человекъ спросилъ, согласенъ ли я изготовить для него кокаинъ изъ опиума. Я сказалъ, что согласенъ. Тогда онъ далъ мнѣ чекъ на тысячу фунтовъ стерлинговъ... это очень большая сумма въ маркахъ... и велѣлъ приготовить планъ и смѣту для изготовленія четырехъ тысячъ кило кокаина въ годъ... Четыре тысячи кило кокаина! Вы понимаете?... Это больше, чѣмъ на 24 милліона франковъ...

Большимъ овладѣло лихорадочное возбужденіе. Онъ больше, какъ будто, не испытывалъ физическаго страданія. Возможно, что то было дѣйствіе капели, данныхъ ему только что д-ромъ Гереномъ.

— А потомъ? — спрашивалъ Ле Марекъ.

— Три дня спустя, — продолжалъ Готфридъ фонъ Крейцнахъ, — человекъ съ иностраннымъ акцентомъ опять явился. Онъ пришелъ въ восторгъ отъ моихъ цифръ. Мой кокаинъ обходился въ двѣ тысячи пятьсотъ франковъ кило. А его агенты платили ему пять тысячъ... Благодаря мнѣ, онъ сразу дѣлался господиномъ мирового рынка.

— Вы тогда пришли къ окончательному соглашенію?

— Да... Онъ сказалъ, что знаетъ пустынный островъ въ океанѣ, куда онъ приставалъ иногда со своей яхтой. Островъ Марионъ въ южной части Атлантическаго океана... Тамъ можно будетъ спокойно работать, если я согласенъ жить одинъ. Мнѣ назначалось жалованье въ 30.000 ф. ст. въ годъ. Жалованье вносилось впередъ на мой счетъ во Французскій банкъ... Тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ! Больше за одинъ годъ, чѣмъ я могъ заработать за всю жизнь въ боннскомъ университетѣ... Мой геній получилъ, наконецъ, заслуженную награду... Я получалъ богатство и могъ отомстить!

Больному опять становилось плохо. Онъ тяжело дышалъ и хватался рукой за сердце.

— Когда вы прибыли на островъ?

— Полтора года назадъ, въ январѣ...

— Это вы построили заводъ, электрическую станцію, лабораторію?

— Нѣтъ! Когда я пріѣхалъ, три мѣсяца спустя послѣ разговора съ начальникомъ, все было готово. Танки стояли на мѣстѣ, пещера была полна запасовъ опиума, машины и моторы отлично работали...

— Вамъ извѣстно, кто изобрѣлъ машины?

— Да. Это англійскій инженеръ Гриффитъ, находящійся на службѣ у шайки... Онъ встрѣтилъ меня на островѣ и ознакомилъ съ дѣйствіемъ машинъ. Но Гриффитъ не настоящій изобрѣтатель, какъ я... нѣтъ! Онъ просто использовалъ чужое открытіе... инженера Дунковскаго, который...

Ле Марекъ зналъ теперь все, что было

нужно. Онъ больше не задавалъ вопросовъ. Готфридъ фонъ Крейцнахъ умиралъ. Никогда въ жизни не встрѣчалъ онъ подобнаго человека! Безумецъ или геній, погубленный гордостью и отчаяніемъ? Какую страшную душевную драму долженъ былъ пережить этотъ человекъ, чтобы встать на преступный, безнравственный путь?

Большой въ конвульсіяхъ метался на постели. Съ усть его срывались беспорядочныя слова:

— Восемь тоннъ... Я сдѣлалъ восемь тоннъ кокаина въ 18 мѣсяцевъ... Я великій ученый... самый великій въ мірѣ... «Железные люди» этой обезьяны Гриффита — ничто! Мои тѣлохранители, и только... Только одинъ разъ, въ июль прошлаго года, они пришли въ дѣйствіе... Я слышалъ звонокъ... Тогда я посмотрѣлъ на доску съ сигналами... зажглись двѣ лампочки, два танка бросились на врага и убивали... Разъ!.. огненный лучъ, изобрѣтенный великимъ умомъ... Разъ, два!.. одежда пылаетъ, мясо горитъ, человекъ обращается въ пепель... А «железный человекъ» останавливается... Послушно онъ ждетъ, когда я нажму рычагъ, и танкъ пятится назадъ... Тринадцать мертвыхъ было въ тотъ день... Я сосчиталъ ихъ на утро... Вотъ! Они сами виноваты... Нельзя мѣшать Готфриду фонъ Крейцнаху, великому ученому, который изобрѣлъ... Катализаторъ... Морфій... Кокаинъ... милліоны, милліарды... Я взорвался, взорвался прежде, чѣмъ покинулъ островъ!.. Никто не будетъ знать, какое открытіе сдѣлалъ великій ученый, прогнанный двурками и негодьями изъ боннскаго университета... никогда... Онъ взорвался мотор-

ный катеръ съ записками, чертежами и планами великаго ученаго... Готфрида фонъ Крейцнаха...

Нѣмецъ долго бредилъ и умеръ на разсвѣтѣ.

Ивъ Ле Марекъ, Ле Уэдикъ и д-ръ Геренъ слушали его бредъ до послѣдней минуты, когда онъ окончательно умолкъ.

Глава XXXV. — Эпилогъ.

Прошло шесть мѣсяцевъ. Въ редакціонномъ кабинетѣ «Большой Газеты» Ивъ Ле Марекъ спѣшитъ закончить работу. Уже 8 час. 30 мин. вечера, а онъ долженъ поспѣть на поѣздъ, отходящій въ Брестъ съ Монпарнасскаго вокзала...

Завтра Жоржъ Пьерръ вѣнчается съ Мартой Сюрвилъ, своей бывшей сидѣлкой. Свадьба празднуется въ Брестѣ, въ домѣ Ле Марекъ — отца, въ газетѣ котораго бывший радиотелеграфистъ «Венета» нашелъ службу. Капитанъ Ле Уэдикъ, докторъ Геренъ, Агнеса Ле Марекъ и Жюль де Кербиганъ приглашены на торжество.

На большомъ кожаномъ диванѣ Франсуа Фонтанъ сидитъ въ своей широкополой шляпѣ и болтаетъ съ д-ромъ Помпері въ ожиданіи, когда его зять кончитъ работу. Съ тѣхъ поръ, какъ они оба чужь не умерли отъ чумы, они стали неразлучны. Фонтанъ ежедневно проводитъ нѣсколько часовъ въ клиникѣ, гдѣ д-ръ Помпері смѣнялъ на директорскомъ посту д-ра Плуэса, вышедшаго въ отставку.

Въ этой перемѣнѣ сыгралъ извѣстную роль бывший морской министръ Сартисенъ, нынѣ предсѣдатель совѣта министровъ. Онъ, какъ видитъ читатель, сумѣлъ достичь

своей цѣли. Развѣ не возвела его парижская печать въ національные герои за то, что онъ «освободилъ Францію и Европу отъ страшной маффи»? Правда, злые языки увѣряютъ, что онъ былъ ровно ни при чемъ. То же говорятъ д-ръ Плуэсъ и Ле Марекъ... Но историческая правда создается, какъ извѣстно, вопреки показаніямъ очевидцевъ.

«Собаки лаютъ, вѣтеръ носитъ». — любить говорить г-жа Сартисенъ, не сомнѣвающаяся, что потомство сохранитъ память объ ея мужѣ, какъ о «великомъ французѣ». Въмѣстѣ съ нимъ потомство будетъ съ благодарностью помнить также о «великомъ префектѣ» Ноланжѣ, получившемъ ленту Почетнаго легіона въ день 14 июля, и о новомъ директорѣ сюрте національ — г. Никола, назначенномъ на этотъ постъ три мѣсяца назадъ.

А судьбой остальныхъ занялось правосудіе.

Оба брата Андреани умерли въ тюрьмѣ отъ несваренія желудка. Ангостини и д-ръ Коэнъ оправданы судомъ за отсутствіе состава преступления. «Начальникъ» шайки, фонъ Кронеръ, и красавица Фрида обѣжали въ одинъ день, первый изъ тюрьмы Сантъ, а вторая изъ женской тюрьмы Птиль-Рокетъ. Такимъ образомъ, подъ замкомъ оставались только офицеры торговаго судна, плававшего подъ сіамскимъ флагомъ, двѣнадцать китайцевъ. Уступая настояніямъ правительства его британскаго величества, Франція должна была и ихъ выпустить на свободу.

Въ ожиданіи, когда они опять сядутъ за тюремную рѣшетку...

Конецъ.